

Сергей Кривонос

Вновь трещина через эпоху прошла

...И нет суетливым сомненьям числа,
Ведь в жизни то косо, то криво.
Вновь трещина через эпоху прошла,
И стала страна над обрывом.

Неужто оборвана память нить?
Неужто всё стало несвято?
Но надо нам выстоять и победить,
Как наши отцы в сорок пятом!

Ни с моря погоды, ни манны с неба
Не ждали. Но, веря в успех,
Мы даже и летом жили под снегом,
И нас не щадил этот снег.

Да, это была пора выживанья.
Меж вьюг, бушевавших окрест,
Мелькание виделось вышиванок
С тавром зловещим «СС».

А снег превращался в льдистую горку,
И всё же цветы весны
Пробили весьма пожелтевшую корку
С оттенком голубизны.

В цветах весенних — мажорная сила,
Своя, неизбывная, прыть,
И красное вместе с белым и синим
Затмило «жовтоблакить».

— Не пойти ли в иуды, Пилат?
— Ни к чему это. Будет беда.
Пусть хоть сотни в иуды хотят,
А Христос — он один навсегда.

Лучше буду я в кресле скучать,
Побеждать неуступчивый страх...
— Тридцать сребреников получать —
Не пилатовский, видно, размах?

Всюду войны. И кости хрустят.
Поразмысли, суть дела проста:
Чтоб прославиться, нужен пустяк —
В нужный час указать на Христа.

Сдвинулось время, а может, сместилось пространство,
То ли запутался, то ли запуган народ,
Предана память, история, предано братство,
Кто вышиванку не носит, тот не патриот.

Всюду доносы, допросы, запреты, наветы,
Словно бы символы жизни — раздор и разбой,
И превращён год пятнадцатый нового века
В прошлого века погибельный тридцать седьмой.

Нам многое дано, однако жаль:
Любой из нас как будто обворован —
Ведь смерти не удастся избежать,
Коль Божий мир когда-то был дарован.

На каждом этот тяжкий крест лежит,
Но словно заново сейчас открылось:
Смерть не нужна, чтоб появилась жизнь,
Но жизнь для смерти есть необходимость.

Новый Моисей

Среди толпы взволнованных людей
Вертлявый появился Моисей
С повадками причудливыми клоуна.
«Я знаю к счастью верную тропу», —
Промолвил бодро и повёл толпу
С уверенностью лживо-непреклонною.

Не встретилось обещанных чудес.
«Хотя бы манну Бог послал с небес, —
Промолвил старец, измождённый голодом. —
Похоже, сам не знает Моисей,
Куда вести измученных людей.
Ну что сказать — и зелено, и молодо».

А Моисей уверовал: над ним
Сияет неспроста священный нимб,
Удачливо судьбою предназначенный.
Но люди присмотрелись: всё не так,
Над Моисеем — шутовской колпак,
А это знак того, что их вожак
Шутить способен лишь да околпачивать.

И любимых порой ненавидят. Бывает, они
Предают безрассудно, не глядя в глаза виновато.
Так и я ненавижу Отчизну в печальные дни
Рокового разгула доносов, убийств и предательств.

О победах мифических громко в фанфары трубят,
На обломках разрушенной памяти радостно скачут.
Ненавижу такую страну, ненавижу, любя,
Но живу и надеюсь, что скоро всё будет иначе.

Я в державу впадаю, как будто река в океан,
И пронзают меня в сердце Родины бьющие грозы.
Но она славит тех, кто вели в Бабий Яр киевлян,
Кто людей разрывал, привязав их за ноги к берёзам.

И по Киеву движется чёрной толпою беда,
Рассекают покой устрашающе отблески свастик,
Прогибается с болью под нею брусчатка тогда,
И мучительно стонет ослепший от свастик Крещатик...

Да, любимые могут предать и пойти по рукам,
Эта истина крепко усвоена мной не из книжек.
Но Отчизны своей никогда не предаю, не продаю
И поэтому ныне так сильно её ненавижу.

Письмо себе, семнадцатилетнему

Серёга, здравствуй! Как ты там живёшь,
В битловско-брежневских семидесятых,
Пока ещё ни в чём не виноватый
И часто с правдой путающий ложь?

Не огорчайся тем, что быт убог,
Не так уж и плоха Страна Советов,
В которой люди ходят на поэтов,
Как будто на хоккей или футбол.

Пока всё просто, всё тебе с руки,
Но за ошибки жизнь накажет строго,
А потому не убегай с уроков,
А коль сбежал, то сочини стихи.

Взгляни вокруг — не барствует народ,
Но, радуясь, живёт «в семье единой»,
И Пугачёва вскоре «Арлекино»
На конкурсе победно пропоёт.

Поверь, Серёга, правде нет цены,
А вот судьба десятки раз обманет...
Тебе, я знаю, не служить в Афгане,
Что станет рваной ранюю страны.

Ты, может, ожидаешь — под конец
Я напишу возвышенное что-то,
А мне сейчас одно сказать охота:
Живи по чести, как учил отец.

Поговорить с тобой — полно причин,
Проблемы впереди стоят оравой...
Я написал письмо. Но как отправить,
Чтоб ты его, Серёга, получил?

Я к детству возвращаюсь снова,
Как будто к речке за селом,
И вижу рыжую корову,
Что пахнет тёплым молоком.

Цветы рассыпав, словно крошки,
Сидит соседка на бугре,
А мы гуляем — я и кошка,
Нам хорошо на пустыре.

Лежит довольная корова,
Пчела кружится у цветка.
И так нам хочется парного
Из новой чашки молока.

И через броды-огороды
К знакомой тётке побыстрей
Вдвоём за молоком подходим:
Сначала кошка, я — за ней.

«Третий снег».

Евг. Евтушенко

- Сегодня выпал третий снег
И, чуть повременив, растаял.
- А разве ты снега считаешь?
- Считать снега — запретов нет.
- Вот третий снег... И мы одни.
А помнишь ли?..
- Я не забыла.
Снегов судьбы немало было,
Да и не таяли они.
- В тот чёрный день снег пролетал
Не сказочно, не величаво,
А как-то робко и печально,
Как будто что-то понимал.
- Да, это много лет назад
Случилось...
Не забылось чтобы,
Его суровые сугробы,
Как в балке, в памяти лежат.
- Но что на прошлое роптать?
Снега судьбы потом растают,
Они тебе не помешают
Снега природные считать.
- Сегодня выпал третий снег,
А следом выпадет четвёртый.
Так просто всё, но отчего-то
Ты постепенно погрустнел.
- Наверное, от непогод...
Себя считая виноватым,
Я думаю, что, может, пятый
Былое напрочь занесёт.

● ● ●
На тропинках небес тучи в звёздной пыли,
Непоседливый ветер гоняет их резво.
И краснеет восток, словно кто-то вдали
Тонким месяцем небо разрезал.

Наполняется сад хриплым криком грачей
И стучится в окон веткой ясеня сонно.
Вот и ветер уже за поводья лучей
На дыбы поднимает гривастое солнце.

А у чувств моих нежности есть два крыла,
И к тебе тороплюсь, чтобы сердцу открылось:
Жизнь моя неприметна и очень мала —
На ладонях твоих поместилась.

● ● ●
Прониклось поле общим непокоем,
И весь простор — от солнца огневой.
Труд хлебороба — это наши корни,
Мы ничего не значим без него.

Темны рубашки, но светлеют лица,
Шумят колосья, души веселя.
Всем комбайнёрам здесь, среди пшеницы,
Дарует силу мудрая земля.

Не потому ль, уставшим от работы,
Когда в мазуте лица и в пыли,
Им кажется порою привкус пота
Солоноватым привкусом земли?

Рассыплет звёзды, словно зёрна, полночь,
И месяц над натруженным селом,
Над скошенным и неостывшим полем
Наклонится созревшим колоском.

● ● ●
В час, когда дожди шагами шаткими
Скучно-скучно ходят у порога,
Я хочу быть доброю лошадкой,
Чтобы с внуком поиграть немного.

На спине возить его по комнатам,
Оживляя всех заходящих взгляды.
Мне не надо бить о пол подковами
И овса, конечно же, не надо.

Отложив до вечера поэзию,
Словно конь по полю командира,
Повезу весёлого наездника
По полу двухкомнатной квартиры.

И в атаку кинемся бесстрашно мы,
Зарумянятся в азарте лица.
А потом наездник мне, уставшему,
Из ладошек даст воды напиться.

● ● ●
Уехали из дома сыновья
И возвратятся, видимо, не скоро.
Старушка-мать под сгорбленным забором
Стоит, платочек грустно теребя.

Заржавел в хворост брошенный топор,
В хлеву мычит голодная корова.
Усыпанный разбросанной полёвой,
Похожим стал на свалку старый двор.

Кого дождёшься по такой поре?
Дождь всех прохожих вымочил до нитки.
И так скрипит раскрытая калитка,
Как будто кто-то плачет во дворе.